

Союз журналистов с 1972 года.

Заместитель главного редактора, член редколлегии газеты "Авиз".

Виктор Иофик (Лисковский) родился в 1946 году в Биробиджане в семье собственного корреспондента Хабаровской краевой газеты "Тихоокеанская Звезда" по Еврейской автономной области.

В печати — с 1963 года. Работал в ряде газет Дальнего Востока, в том числе в "Биробиджанской Звезде". В течение пяти лет был редактором многотиражной газеты на рыболовецкой плавбазе, находясь в многомесячных рейсах в Японском и Охотском морях, Тихом океане. Побывал на всех крупных островах Курильской гряды, на Сахалине, Камчатке.

С очерками и рассказами печатался в журналах "Дальний Восток", "Советиш Геймланд", в газете "Биробиджанер Штерн".

Участник литературно — публицистического сборника "На берегах Биры и Биджана" (г.Хабаровск, 1972г.), детского альманаха "Книжка — радуга" (г.Владивосток, 1974г.). Автор сборника очерков "Товарищ Дамьзавод" (г.Владивосток, 1975г.) и книжки детских стихов (Ростов-на-Дону, 1977 г.), переведенной на украинский язык.

Закончил факультет журналистики ДВГУ (г.Владивосток). Член

Виктор ИОФИК

ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ Ш

Поэты не умирают

"...Теперь, когда я постарела, когда голова стала тяжелой, а чувства — светлее, когда печаль о прекрасных годах поселилась в сердце, я хочу рассказать о друзьях моей молодости и восстановить образ тех, с кем я и корчевала тайгу, и прокладывала первые тропинки на Биробиджанской земле".

Эти слова принадлежат поэтессе Любви Васерман. Тете Любе, так называли ее мы, молодые биробиджанские журналисты и литераторы шестидесятых и семидесятых.

Этими словами тетя Люба начала свои воспоминания о друзьях своей юности — поэтах Борисе Олевском, Ароне Гофштейне, Владимире Шульмане, Генрихе Койфмане, опубликованные в сборнике "На берегах Биры и Биджана".

Светлые имена!

Борис Олевский, начавший сидеть в 25 лет, был первым ответственным секретарем журнала "Форпост", издававшемся в тридцатые годы в молодом строящемся Биробиджане.

"...Это было в 1935 году, - вспоминает Любовь Васерман. — Мы ехали в село Амурзет (село в ЕАО — автор). По Амуру гуляли морозные ветры, но Олевский, казалось, не замечал этого. Он что-то бубнил себе под нос, а уже после в Амурзете читал нам стихи, родившиеся в кузове "попутки":

Мы спрятаны в шубы, и путь наш далек,
И во поле чистом — снега за снегами,
Увидеть костер бы, звезду, огонек, -
Но время, как видно, не светит над нами...

А в 1941 году на фронте Борис Олевский написал строки, которые и сегодня звучат чисто и пронзительно, как боевая труба, как напоминание:

Пожарищ отблеск на моей судьбе,
Земля скрипит зубами — помогите!
Пять литров крови я ношу в себе,
Чтоб мир вовек не знал кровопролитий...

Генрих Койфман. Он как никто умел отзываться стихами на все события в жизни первостроителей Биробиджана. Они знали их наизусть.

Когда же зацелил тополя 41-го года, война продикувала Койфману другие строчки:

Если враг нагрянет на границу, -
Сяду я на верного коня,
Чтобы, встретив пулю, поклониться
Напоследок травам у плетня.

Арон Гофштейн был самым молодым биробиджанским поэтом тридцатых годов. Его знали в дощатых общежитиях строителей и в педагогическом училище, которое он закончил. Прямо из котлована ушел работать в областной радиокомитет редактором детского вещания. "При этом, - вспоминает Л. Васерман, - всегда находился в окружении детей".

Володя Шульман — еще один первостроитель Биробиджана, талантливый поэт. В тридцатые годы его стихи придавали силы первым переселенцам, тем, кто строил город, кормил нещадные полчища комаров, корчевал лес в тайге, бутил бесчисленные болота.

Облака бредут по сопкам,
 С неба сонный снег летит,
 В центре тихого поселка
 Домик маленький стоит.
 Тихо светит лампа в доме,
 И в печи дрова трещат.
 Подперев щеку ладонью,
 Паренек глядит в тетрадь.
 От бессонницы набухли
 Веки парня из тайги,
 Но в его тетрадях — буквы,
 словно первые шаги,
 Будут завтра слушать дети
 Парня медленную речь,
 Как брели тайгой медведи,
 Как горела в доме печь...
 Детям долго будет снится
 Город завтрашнего дня —
 Удивительные лица,
 Свет из каждого окна.
 ...Над Амуром зла пороша,
 Но добры людей дела.
 В этом домике хорошо
 Школа первая была...

ить Биробиджан из-за океана. Говорили еще, что в юности она была дружна с писательницей Анной Зегерс.

Иногда тетя Люба тихо и незаметно исчезала из Биробиджана на несколько месяцев. И также вдруг объявлялась в городе. И тотчас обзванивала своих друзей: "Приезжайте на яблоки". Мы, молодежь, были счастливы лететь в ее маленькую уютную квартиру.

Яблоки были из Кишинева, из города, в котором жил ее сын, ее Серго.

Они вкусно пахли медом, большие восковой спелости молдавские яблоки.

Мы ни о чем не расспрашивали тетю Любу, расспрашивала она, просила почитать наши незрелые литературные опыты.

Однажды произошло событие: приехал Серго. Но не из Кишинева, а из Израйля.

Это была ошеломляющая новость! В самом начале семидесятых человек, побывавший в Израйле, был для нас пришельцем с другой планеты.

Мы слушали его рассказы о далекой Земле, застав дыхание.

Слушали и не верили!

Как-то я спросил тетю Любу:

- Почему вы называли сына грузинским именем Серго?

Тетя Люба улыбнулась:

- Это забавная история. Мой мальчик был первым ребенком, родившимся в строящемся Биробиджане. Первый у перестроителей. Конечно, в роддом приехали журналисты из "Биробиджанер Штерн", чтобы рассказать об этом событии. На следующий день с удивлением читаю в газете: "В честь Серго Орджоникидзе

Совсем недавно Еврейская автономная область отметила свое 65-летие. Еще живы некоторые свидетели и участники грандиозного эксперимента по искусственному созданию "административной территориальной единицы", предназначенной для компактного проживания евреев. Нельзя сказать, что этот эксперимент завершился полным провалом. По глубокому убеждению автора публикуемых очерков, ЕАО помогла выжить многим нашим соплеменникам. Что бы ни говорили, но ее территория была одним из немногих мест в Союзе, где люди не скрывали свои национальные корни, а на улицах открыто звучал идиш.

Среди перестроителей ЕАО было немало переселенцев из Белоруссии: Витебска и Борисова, Гомеля и Бобруйска, Минска и Слонима, Гродно и Мозыря, Бреста и Барановичей. Не случайно белорусский режиссер Корш — Саблин создал знаменитый фильм "Искатели счастья", рассказывающий о тех первых переселенцах на дальневосточные земли, фильм, в котором, к слову, блистательно сыграли великие М.М.Блаumentаль — Тамарина и В.Л.Зускин.

Итак, перестроителям ЕАО и биробиджанцам шестидесятых — семидесятых посвящается...

Сохранились его письма с фронта жене. Володя Шульман писал:

29 мая 1943 года.

"События летят, как вода в Амуре. У меня новый адрес — полевая почта №57263. Как видишь, адрес новый, а работа прежняя — мы бьем фашистов".

2 июня 1943 года.

"Милая моя Женя! Скоро мы освободим Украину. Но это только начало..."

И Генрих Койфман, и Борис Олевский, и Арон Гофштейн, и Владимир Шульман не вернулись с фронта.

Светлые имена светлых людей. Перестроителей Биробиджана.

"Еврейское" имя

Тетя Люба Вассерман. Тихая, интеллигентнейшая седая тетя Люба, которая не любила рассказывать о себе, но говорила, она была в числе первых колонистов, приехавших в начале тридцатых стро-

(мой мальчик родился в день его рождения, 15 октября) счастливая мама решила назвать сына Серго". Что же мне оставалось делать? Попробовала бы я после этого дать сыну другое имя — где бы я сейчас была? А мне так хотелось назвать мальчика именем моего отца...

Рассказ о тете Любе был бы неполным, если бы я не привел здесь стихотворение, написанное ею в тридцатые годы — годы строительства Биробиджана:

Нет, места эти не были дикими -
 Первозданными были.
 Вдали
 Сонка таяла в солнечной дымке...
 Ждали нас,
 И тогда мы пришли.
 И земля оживала богатая,
 В изумленном гудели леса.
 Даже вью усталю подхватывать
 Наши вихри голоса.
 В нас кипело желание страстное

Породниться с землею трудом,
Я сказала себе:
"Хватит странствовать,
Я у цели —
И вот он — мой дом".

Эммануил Казакевич

Эммануил Казакевич приехал строить Биробиджан, когда имени будущего города не было ни на одной карте, а значилась станция Тихонькая.

Эмма (так звали его друзья) приехал с отцом, видным журналистом, и матерью, учительницей, из тогдашней Украины — города Харькова.

Прирожденный горожанин, он, казалось, мало был приспособлен для бивуачного образа жизни, который был характерен для первопроходцев. К тому же был Эмма здоровым не богатырского: высоким, худым, слегка сутулым, с "велосипедом очков" на близоруких глазах, — так вспоминал о Казакевиче друг его молодости, старший журналист Наум Моисеевич Фридман, уроженец Гомеля, с которым ав-

Еврейской автономной области. Для этого театра позднее Эммануил Казакевич перевел на идиш такие сложные пьесы, как "Враги" М.Горького и "Уриэль Акост" К.Гуцко. (Кстати, перу Казакевича принадлежат лучшие переводы на еврейский язык Маяковского, сделанные также в Биробиджане).

Здесь же, в городе на берегах Биры и Биджана, он, будущий знаменитый автор "Звезды", "Весны на Оudere", "Сердца друга" и романа в стихах "Шолом и Хава", издал свой первый поэтический сборник, в который вошли произведения, посвященные первостроителям: "Начинается город", "Тайга" и другие.

Привычки к взлету третьих этажей,
На тротуар не смотрим, как на диво,
И скептики порастеряли желчь,
А город стал приветливо красивым.
Привычки к телефонам и к тому,
Что на работу не идем, а слем.
И в скверах "Штерн" или Талмуд
Читают старики, привычки к детям...
К людской толпе у театральных касс,
К домам, встающим из золотой раски...

тору этих строк довелось работать в "Биробиджанской Звезде".

- Зато душевного здоровья, — вспоминал дальше Наум Моисеевич, — Эмме было не занимать, а его кипучей деятельности, бьющей через край, жизнерадостности хватило бы на десятерых. А какой эрудицией он обладал!

Память о первостроителе Биробиджана Эммануиле Казакевиче до сих пор живет в области.

Еще в семидесятые годы мне приходилось слышать от старожилов о Казакевиче как о руководителе очень важной по тому времени (по тридцатым годам) стройки — первого в городе кинотеатра, о Казакевиче — лесозаготовителе, культработнике среди переселенцев и даже председателе колхоза.

Особенно же много сил и энергии он отдал организации первого в Биробиджане театра. (К слову, моя мать, не говорившая на идиш, до последних дней своей жизни вспоминала спектакли этого театра). Первые же постановки труппы совпали с провозглашением

Это из поэмы "Начинается город", написанной в 1936 году.

В городе на Бире познал Эммануил Казакевич все опущенные человеку радости и горести: любовь, женитбу, рождение первого ребенка, смерть отца и матери...

Заканчивая эту главу, вспоминаю строчки из той же поэмы:

По этому я городу спешу
К столу редакционному простому.
За ним совсем немного лет пишу
О тех, кто этот город нынче строит.

Вспомнились же эти строки вот почему. Этот редакционный стол, за которым работал Казакевич-газетчик, забавным образом неожиданно-негаданно однажды имел отношение к моей журналистской судьбе.

Дело в том, что в шестидесятые годы стол Казакевича, чудом сохранившийся, стоял в одном из кабинетов областной газеты "Биробиджанская Звезда".

Кому-то из руководителей редакции пришла в голову мысль: организовать среди журналистов газеты творческое соревнование, итоги которого подводились каждый месяц. Победитель получал право в течение месяца, до подведения следующих итогов, работать за столом Казакевича, покрытым зеленым сукном, обрмленным потемневшим от времени деревом.

Тогда мы относились к этому с иронией. Не к столу, конечно, а к тому, что раз в месяц, выложив из него бумаги, тягали его по этажам редакции. Изредка победителем этих соревнований выходил и автор этих строк.

Тогда, в шестидесятые, мы отнеслись к этой затее с юмором. Теперь, по прошествии времени, вспоминаю об этом с волнением.

дождь, где-то совсем рядом пугающе шумела тайга. Ни голоса, ни паровозного гудка... Тишина. Конец долгого пути. Прощай, теплушка.

В эшелоне никто не спал. Переселенцы строили планы, пытались угадать будущее, шутили.

- Вот это станция! Даже приличного вокзала нет, - произнес в задумчивости рыжеватый парнишка Гришка Вендеров.

- Это и есть то самое место, куда Макар телят не гонял, - сострил толстый портной из Витебска. — Теперь я знаю точный адрес.

По вагону прокатился смех. Дальше — больше. Парни пугали девушек уссурийскими тиграми. Кто-то, вздыхая, вспоминал свой аккуратный домик на тихой улочке Гомеля, сирень в палисаднике под окном, кто-то своих близких и друзей, оставшихся в

Перрон Биробиджанского вокзала

Еще из Казакевича:

Перрон Биробиджанского вокзала!
В ночи сияет над тобой звезда.
Ни подкачки, ни большого зала
Тут не было. Но были поезда.
Сердито отдуваясь, привозили
Они народ со всех концов России.
Вот едут Тунейдовка и Шпола
Вот Витебск, Минск, Одесса и Лугин.
И на вокзале тяжело стонут шпалы,
Висят гудки, протяжны и тути.
Тут матери качают ребятишек,
Там двое в споре яростном сошлись.
В теплушках, на подножках и на крышах
В наш край таежный приезжала жизнь.
Тут лошадей по сходным вывозили
И выносили сундуки с добром...
И стар и млад — как молодые мы были!
Нам в шевелюре город серебром
Еще не лег тогда. Нам всякое бует:
В палатках надоржмис под дождем...
Мы никогда, наверно, не забудем вокзал —
Наш первый в этом крае дом...

Эммануил Казакевич был великодушен. Вокзалом в своих стихах он назвал небольшое деревянное строение, на котором значилось: "Станция Тихонья".

Эшелон был из Белоруссии. Станция встречала искателей счастья молчанием. Нескончаемо лил

Барановичах, в ожидании вызова. Так прошла ночь.

А утром, когда люди распахнули двери вагонов, им в лицо ударило яркое весеннее солнце. В эшелоне началась веселая суматоха... Искатели счастья - переселенцы из Минска, Гомеля, Витебска, Гродно - снимали с нар свои чемоданы, баулы, узлы, корзины, выгружались на раскисшую от дождя землю...

Так это было. И об этом первом эшелоне и первом дне переселенцев нам с заместителем редактора "Биробиджанской Звезды" Валерием Панманом, (этот первый эшелон потом лег в основу замечательного очерка Валерия о первостроителях города) в конце шестидесятых рассказывал бесшумный, в течение тридцати пяти лет, начальник Биробиджанского вокзала — современного каменного здания — Григорий Абрамович Вендеров. Тот самый рыжеватый парнишка. Гришка Вендеров, который когда-то приехал сюда из Белоруссии с первым эшелонем и задумчиво произнес:

- Вот это станция! Даже приличного вокзала нет!

Венские стулья

Валерию Ильичу Панману, заместителю редактора "Биробиджанки", принадлежит рассказ о первом промышленном предприятии Биробиджана, который хочу привести полностью.

"Если бы мы с тобой сумели вдруг перенестись в август 1929 года, в украинский городок Малин, то попали бы на собрание кустарей мебельной артели "Выгода". В тесном клубе кустопромсоюза

было сизо от табачного дыма, шумно от взволнованных речей. Обсуждался вопрос: переселяться ли на новые земли, на Дальний Восток.

Решено было послать на станцию Тихоньякая двух ходоков. Выбрали самых авторитетных и рассудительных – Д.Х. Звенигородского и А.З. Дудкина.

Давид Хаймович впоследствии вспоминал:

- Ехали мы двадцать дней – через Киев, Воронеж, Пензу, Самару, десятки других городов. На узловых станциях нас встречали уполномоченные по переселению, помогали компостировать билеты, снабжали талонами на обеды. По льготным ценам за пять копеек мы получали хлеб, сахар, другие продукты питания.

Пятого сентября ходоки добрались до конечного пункта своего пути. Дальневосточный сентябрь поразил их своим величием, а тайга – богатым осенним убранством.

Старожилы угощали “разведчиков” сочными помидорами, сладкой тыквой и вареной кукурузой. Так ходоки сразу получили ответы на два вопроса: каков климат в предполагаемых местах переселения, плодородна ли земля? Достаточно было и сырья для производства гнущей мебели. Что касалось быта, то торгующие организации Хабаровска готовы были немедленно заключить договоры на любое количество стульев.

Последовал обмен телеграммами между Хабаровском и Малиным. Из Малина телеграфировали: приступайте к строительству фабрики.

После долгих поисков выбор ходоков пал на усадьбу некоего гражданина Иконникова. Это было дом с большим бревенчатым амбаром. В стоимость покупки – две тысячи рублей, полученных в кредит в переселенотделе, – входили также незавидная домашняя обстановка, петух, шесть кур и сторожевая собака. Вот так начиналась промышленность Биробиджана.

1 мая 1930 года торжественно праздновалось открытие фабрики – первого предприятия будущего города, выпустившее к тому времени сто стульев. В Хабаровске гнущие стулья со станции Тихоньякая были нарасхват.

Два барака, три болота,
Двести тысяч комаров...
Есть для каждого работа
В этом лучшем из миров!

Это из поэмы Леонида Школьника, бывшего – теперь уже – биробиджанского журналиста и редактора газеты “Биробиджанер штерн”. Поэму Леонид посвятил первостроителю города, среди которых была и мама поэта. (Нынче Л.Школьник живет в Нью-Йорке, редактирует газету “Форверст”).

Три ордена Славы

Еще один первопроходец, Владимир Израилевич Пеллер, знаменитый на всю страну бесценный предсудель колхоза из села Валдгейм.

Легендарная личность. Участник войны. Полный кавалер трех боевых орденов Славы. Герой Труда. Во время войны – разведчик, служивший у Баграмяна.

Дома рядом с наградами Пеллер бережно хранит письма маршала Баграмяна, с которым состоял в личной переписке.

Каков он был, Владимир Израилевич Пеллер? Полный, коренастый, немногословный, крутого нра-

ва, шокировавший односельчан тирольской шляпой с пером, в которой ходил по полям и весам колхоза, тремевшего на всю страну. О значимости этого человека говорит такой факт: заболел, он лечился в Кремлевской больнице.

Про Пеллера в области рассказывали легенды. Про его знаменитые крупные кулаки, например. Сам Владимир Израилевич как-то рассказывал мне:

- Если я во время войны с одного удара сбивал немца с ног, а он не терял сознания, я расстраивался. Это когда брали языка...

Другая, связанная с его кулаками, знаменитая история.

Как-то после войны в Валдгейм приехали солдаты изымать излишки хлеба: план хлебосдачи колхоз выполнил, но кое-что оставили на трудодни. Зная крутой нрав Пеллера, приехали во главе с секретарем обкома. Колхозники к Пеллеру в город, куда он уехал по делам.

- Батя, хлеб забирают.

Он на “козла” и - в Валдгейм.

- Отставить грузить! – голос зычный, на всю округу.

Секретарь обкома:

- Грузить!

- Грузят.

- Отставить!

- Грузить!

- Отставить!

- Грузить!

Пеллер схватил подборную лопату и огрел ею секретаря обкома по хребту.

Хлеб отстоял. Но положил на стол партийный билет. Было возбуждено уголовное дело. К счастью, партийный секретарь впал в немилость.

Учитывая боевые заслуги Пеллера, дело замяли, а его самого восстановили в партии.

Здоровья Владимир Израилевич был недюжинного.

Помню, однажды он заглянул в обеденный перерыв в ресторан “Восток”. Молча прошел мимо нашего столика, ни на кого не взглянув. Заказал только графин водки. Вынул из брезентовой хозяйственной сумки шесть сваренных вкрутую яиц и половину каравая черного ноздреватого хлеба.

Выпил, пододвинул соль, неспешно закусал и вышел твердым шагом. По одной половине. В полной тишине и под почтительными взглядами всех посетителей.

А начал Владимир Израилевич Пеллер свою хлеборобскую карьеру, как и многие другие первопроходцы, в тридцатые годы. Работал трактористом в переселенческом колхозе “Роитер Октябрь” в селе Амурзет, а вскоре со своим другом Исааком Гуршманом переехал в Валдгейм, где, несмотря на молодые годы, еще до войны был избран председателем колхоза. С тех пор и председательствовал беспрерывно, если не считать перерывом участие в войне.

Повар Мендель Хаит

-...Вы только посмотрите на наш город, - сказал однажды Шая Хаит соседям, придя с работы. – Вы только посмотрите на наш Каменец-Подольск! Он молодеет и преобразуется. Он преобразуется после долгой зимы, словно перезревшая девушка в первую брачную ночь...

Шая не был художником, но он умел видеть. Действительно, с наступлением весны Каменец-По-

дольск становился неузнаваемым. В городе пьянше пахло молодыми почками и первой, едва пробудившейся зеленым тополей и каштанов.

Шая Менделевич, сказав все это соседям, умылся и сел ужинать. Вместе с ним за стол сели дети - Володя и Маня. А самый старший - Мендель - стал подавать суп.

- Сынок, - сказал, похваливая вкусный суп, Шая Хаит, - из тебя, пожалуй, выйдет бы неплохой повар. Но мне хочется, чтобы ты стал парикмахером. И об этом я как раз собирался с тобой поговорить. С тех пор, как умерла наша мать, стало трудно жить, а ты ведь совсем взрослый. В четырнадцать лет уже время подумать о хорошей специальности.

Дальше все вышло, как с рыжим Мотэля:

Чего хотела, не дали.

(Но мечты его с ним!)

Думал учиться в Хедере.

А сделали -

Портным.

Да, именно так все и вышло.

этом в книжках, но не видели своими глазами. Я вам скажу так: это было труднейшее время. Однажды мы, отряд молодежи, ушли в тайгу на заготовку леса. Мы там были не день и не два, и мы там были почти без хлеба и соли. Так при той тяжелой работе мы были на том свете больше, чем на этом. И выдержали, потому что Биробиджану нужен был лес...

Хаит помолчал, бросил взгляд на деревья в тихом сквере, поешел:

- Зимой пахнет.

И вздохнул:

- Зимой мне всегда вспоминаются каштаны Каменец-Подольска. С первой, едва пробудившейся зеленью...

Кузнец Наум Фельдман

У Наума Лейбовича Фельдмана отец был извозчиком в Умани. Извозчиком в этом городе был избыток, а вот подковать лошадь было некому. И подростка Наума отдали в обучение к местному ковалю.

Больше всего на свете Мендель хотел две вещи: учиться и стать токарем. Его тянуло к металлу, как ребенка тянет к красной игрушке. Но он не хотел перечить отцу и стал парикмахером. Ровно год Мендель брил чужие бороды. А однажды...Однажды не выдержал и пошел на бирю трудя. Он попросил направить его на работу в артель "Металлист", однако ему ответили:

- Нам нужны повара.

Плита - не токарный станок, но он согласился. А через два года в столовой совпартшколы Каменец-Подольска уже все знали повара "второй руки" (теперь пятый разряд) Менделя Хаита.

...А отца вдруг потянуло на Дальний Восток. "Легко в осень снится зелень озерных мест", и в 1934 году Хаиты переехали поближе к этой самой "зелени озерных мест" - переехали в Биробиджан.

- Что вы, молодой человек, можете знать о Биробиджане тех лет, - говорил мне Мендель Шаевич, шеф-повар железнодорожного ресторана, когда в воскресный день бродили мы с ним по улицам города. - Ровным счетом ничего. Вы читали об

В 1929 году парень, прослышав о переселении евреев на Дальний Восток, пустился в далекое путешествие.

В ту пору Наум уже мог виртуозно работать тележную ось.

По прибытии на станцию Тихоньяка он узнал, что неподалеку от строящегося города в молодом селе Бирофельд создается колхоз. Наум Лейбович перебрался в Бирофельд и остался в нем навсегда.

К началу семидесятых, когда я с ним познакомился, стаж кузнеца Наума Лейбовича Фельдмана составил сорок лет с гаком. Из них "гак" приходится на Умань, а сорок - на Бирофельд.

Сорок лет не меркла слава о кузнеце из Бирофельда. Не было второго такого кузнеца в округе. Что ни сработает - любо-дорого посмотреть.

Он и в шестьдесят выглядел молодешовато, Наум Фельдман. Однажды мне довелось увидеть, как на редкость ловко орудовал он ручником и клещами и между делом успевал замечать все, что происходило вокруг. Помнится, около часа как замороженный наблюдал я за его работой. В горку одна за

одной летели остывающие изделия. Бросая очередную "восмерку", боковым зрением заметил Наум Лейбович пробегающего мимо нормировщика. Окликнул его.

- Ты чего это всю работу за неделю на меня одного записал? Если человек заболел, так уже все? На двоих пиши наряд, на меня и на напарника.

И пробурчал:

- Когда мы строили Биробиджан, мы всегда все делили пополам: и хлеб, и заработок. Иначе бы не выжили. Привык я...

Два театра

К шестидесятым годам в Биробиджане, к сожалению, уже не было профессионального театра. Двухэтажное деревянное здание, в котором когда-то располагалась труппа Эммануила Казакевича, давно уже было отдано под Дом пионеров. Помню себя в возрасте шести с половиной лет, вместе со всеми скандирующего в холле бывшего театра на годовом утреннике: "Елочка, зажгись!"

Словом, профессионального театра в городе не наблюдалось, а вот два народных успешно действовали. И заведовали ими опять таки первостроители Биробиджана: еврейским Михаил Абрамович Бенгельсдорф, а русским – Мирра Моисеевна Шименко.

Ах, каким успехом пользовались оба коллектива у биробиджанцев. (Впрочем, не только у них – театр Мирры Моисеевны с большим успехом гастролировал в Москве, а труппа Михаила Бенгельсдорфа стала лауреатом Всероссийского смотра-конкурса народных театров).

Михаил Абрамович Бенгельсдорф, муж тети Любы Вассерман, как правило, заматывался на сложные пьесы: "Люди", "Крупный выигрыш" и "Мазл тов" Шолом-Алейхема, "Два простака" А.Гольдфадена, "Гершель из Острополя" М.Гершензона и "Зямка Копач" М.Даниэля.

Весь Биробиджан знал и любил артистов этой труппы: Залмана Шуваля (как хорош он был в роли портного Шимэле Сорочера – когда-то в этой роли блистал великий Михоэлс), Броню Львовну Жидовецкую, Эддю Мелешко и многих других. (После смерти Михаила Абрамовича Бенгельсдорфа те-

атр возглавила Берта Львовна Шильман, поставившая "Колдунью" Арона Гольдфадена и пьесу здравствовавшего в те годы биробиджанского писателя и драматурга, заместителя редактора "Штерна", милейшего Бориса Израйлевича Миллера).

Ну, а Мирра Моисеевна Шименко? Эта умнейшая, неутомимая женщина с прекрасным чувством юмора воспитала несколько профессиональных актеров. Виктор Штенбах, пройдя ее школу, впоследствии работал в Ленинградском областном драматическом театре. Майя Фрок - в Барнаульском, Вера Березникова - в Новокузнецком.

Одна черта характера Мирры Моисеевны покорила особенно: по любому вопросу она имела собственное суждение и не боялась его высказывать. Иногда это доходило до безрассудства. Вот характерный случай.

После "Виринея" Л.Сейфуллиной театр приступил к постановке "Бронепоезда 14-69" Вс.Иванова. На генеральную репетицию неожиданно пришел секретарь обкома партии по идеологии Отсидев спектакль, он взял слово:

- Своевременная работа, Мирра Моисеевна. Но позвольте одно замечание. Вы знаете, какие у нас сейчас сложные отношения с Китайской Народной республикой, а у вас на рельсы перед бронепоездом белых героически ложится боец китайской национальности. Нехорошо! Поменяйте его на матроса.

- Но так у автора. Это же классика!...

- Что с того? Мы не можем проявлять политическую близорукость...

- Юрий Генрихович, - сдерживая улыбку, ответила Мирра Моисеевна, - а ведь я собираюсь ставить "Отелло". Герой, как вы, конечно же, помните, черный, африканец... А Африка такой ненадежный континент.

- Что вы предлагаете?

- А сделаем его монголом. Монголия страна победившего социализма.

Секретарь поджал губы, резко поднялся и вышел.

Нет, не слабой закалки оказалась Мирра Моисеевна, чья юность совпала с юностью любимого города. Не побоялась пойти против секретаря обкома. Она позвонила в крайком партии. Там, к счастью, ее поддержали.

АХ, ЭТОТ ГОРОД!

Биробиджан — не Одесса, но и он в шестидесятые-семидесятые годы — в дни моей молодости — имел свой шарм, свой колорит, свое очарование.

Когда всколыхнулась очердная волна эмиграции в Израиль, по городу гуляли анекдоты:

- Ваш любимый город?

- Биробиджан.

- А ваша любимая песня?

- "Прощай, любимый город!"

Этот анекдот требовал от рассказчика этакой веселой интонационной бесшабашности. Но вот ее-то как раз и не было, а наблюдалась плохо скрываемая грусть — в голосе, во взгляде.

С Биробиджаном расставался тяжело. Этот город любил, он незримыми узами накрепко привязывал к себе людей. ...

Ах, этот город!

Зеленый, чистый. В знойные летние тополиные дни пахнущий провинциальным югом. Никогда никуда не спешащие горожане. Прохожие громко переговариваются друг с другом через улицу. Старые евреи, обсуждающие на скамейках в сквере последние городские и международные новости. И почти одесский говорок, и почти одесские интонации.

Думаю с сожалением о том, что нынче Биробиджан уже не тот: ушли из жизни старожилы — первостроители города. Многие евреи среднего поколения переселились на Землю Обетованную. Потеряна связь с традицией. Исчезает колорит.

Жалею, что не вел дневники. Вот лишь часть из того, что сохранили записные книжки, сохранила память...

Как Наум рыбу делал

Городская парикмахерская. Сажусь в кресло. Старый мастер Наум Гринберг (когда-то в последние годы он брил моего отца) намылывает мне щеки теплой пеной, откладывает в сторону влажный помазок, берет в руки опасную бритву и начинает править ее на рыхлом кожаном ремне, отполированном за долгие годы до алмазного блеска. Передо мной отвисно висит старое зеркало в темной деревянной раме.

Я терпеливо жду. Из дамского зала выходит мастер женских причесок Циля Борисовна и громко вопрошает:

- Наум, мы будем, наконец, делить нашу рубку?

- Я знаю? - лениво отвечает Гринберг. - Давай разделим.

С этими словами он кладет бритву, достает из-за старого зеркала огромный промасленный сверток и разворачивает его прямо перед моим носом. На бумаге великолепная, истекающая жиром копченая кетина.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление. В Биробиджане тех лет продуктовые магазины встречали покупателей почти пустыми полками. (Правда, это не мешало старожилам по случаю прихода гостей накрывать неплохие столы - на них всегда присутствовали деликатесы: помогали наработанные годами связи).

По городу ходили анекдоты:

"Наш магазин борется за звание продовольственного"

Иди. Диалог в магазине:

- У вас нет мяса?

- У нас нет рыбы, нет мяса - это напротив.

Итак, в городе, в котором в магазинах хоть шаром покати, в маленькой уютной парикмахерской старый мастер-еврей вываливает на стол перед носом намывленного клиента превосходную копченую рыбку, берет в руки нож и задумчиво смотрит на Цилю Борисовну.

Клиент глотает слюну.

Циля Борисовна:

- Как мы ее разделим?

- Или ты не знаешь? Мы - таки разрежем ее пополам.

- Ха! Пополам! Ты, конечно, опять дашь мне хвост. В прошлый раз ты брал голову. Так пусть в этот раз она достанется мне, а хвост отнеси Лизе...

- Циля, ты знаешь, как я уважаю твою семью, но я не могу дать тебе голову, потому что обещал принести ее жене...

- Правильно мне говорила про тебя Клара...

- Я не знаю, что тебе говорила про меня Клара, но ты на всякий случай скажи ей, чтобы она обходила меня за три квартала.

- Послушай, Наум, или ты дашь мне в этот раз ее голову, или мы не знакомы.

В этот момент из дамского же зала в застиранном халате, с совком и щеткой выходит старая Фанна Моисеевна и говорит:

- Что вы спорите? В прошлый раз мы с Ривой купили рыбу, так мы разрезали ее вдоль, и никому не было обидно. Каждому досталось по полголовы и по полхвоста.

- А что? - живо откликается Гринберг. - Эту-таки идея.

Остывшая пена на моих щеках покрылась крошкой. Я не выдерживаю:

- Послушайте, может быть, вы меня, наконец, добреете?

Гринберг медленно поворачивает ко мне голову и лениво спрашивает:

- А что, вы торопитесь на танцы?

- Ну что вы? Какие танцы в пять часов?

- В таком случае, куда вы себе так рано спешите? Не дурите мне головы, и вы выйдете отсюда гладким, как ночной горшок...

Я умоляю.

Последний день Помпеи

Еще один случай, имевший место задолго до первого.

Вновь парикмахерская, но уже в городской бане.

Я недавно приехал в Биробиджан, в город, в котором родился, но из которого был увезен родителями в дошкольном возрасте. Прошло время. Я вырос и вернулся. Я никого не знаю, меня никто не знает.

Первый визит в баню и, соответственно, в парикмахерскую при ней.

Перед помывкой мне необходимо сделать стрижку, а после побриться. Первый заход. Оплачиваю в кассу обе операции, сажусь в кресло. Подходит мастер, красивая еврейка лет пятидесяти пяти. Набрасывает на мою шею салфетку и без всяких вступлений

без обмена приветствиями и традиционного вопроса, как постричь с места в карьер начинает разговор:

- Сегодня вообще-то не моя очередь, но я знаю, что в воскресенье много народу и Арону одному будет трудно, так я вышла помочь. Я вижу, вы интеллигентный человек и вам позарез нужно привести голову в порядок именно сегодня. Но что вы скажите про остальных? Вы видите, сколько народу? Можно подумать, что наступил последний день Помпеи, и они хотят во что бы то ни стало лечь под пепел чисто выбритыми. Я ничего не хочу сказать, Арон - опытный мастер, но и он имеет свой предел, и я таки вышла. Но вы не думайте, что я бросила семью на произвол судьбы. Я купила мясо, сварила борщ, и Миша был доволен.

Какой Арон? Какой Миша? Какой борщ? Я ничего не понимаю.

Второй заход: бритье. Сажусь в то же кресло.

- Ну, как вам не стыдно? Что же вы сразу не сказали, что получили квартиру? Разве можно быть таким скрытным? Может быть, вам нужен хороший обойщик? Так я вам дам Леву.

Боже, в городе худо-бедно пятьдесят тысяч жителей. Я один из пятидесяти тысяч. Я всего неделю в Биробиджане. Только вчера мне вручили ордер на комнату, которую я еще не видел. А ей уже все известно!

Как, каким образом здесь распространяется информация? Уму непостижимо! Но в том, что в этом городе все про всех все знают, я убедился.

Фира и Фонд Мира

Одним из моих внештатных авторов в бытность мою заведующим отделом информации редакции газеты "Биробиджанская звезда" была семидесятилетняя художая старушка Фира Абрамовна Гитерман.

Неутомимая Фира Абрамовна Гитерман регулярно приходила в мой кабинет, садилась на черный кожаный диван и, доставая из кармана старенькой кофты тонкую школьную тетрадку с очередной заметкой, требовала чаю.

Тетрадь была исписана мелким почерком и сложена пополам. По вертикали. Фира Абрамовна никогда не оставляла ее у меня. Мне надлежало изучить содержимое, переписать, а тетрадку тут же вернуть. Гитерман аккуратно подшивала все тетради по мере их заполнения.

Дотошную Фирю Абрамовну интересовало: кто разрешил выпас коз возле ретрансляционной телевышки, куда подевался старый аттракцион из городского парка, отчето как невыразительны рекламные щиты у кинотеатра, почему бригаде чучлицин вру-

чили переходящий вымпел, если на их изделиях так часто встречаются затыжки.

Как многие старые евреи, Гитерман была не в ладах с грамматикой русского языка, а потому говорила и писала так: "Вчера на чудочно-носочная фабрика состоялась вручение переходящий вымпел..." Три склонения в одном предложении.

Однажды моя творческая дружба с Фирой Абрамовной Гитерман дала трещину. Как-то она принесла не привычную тонкую тетрадку, а толстую общую, исписанную на треть, и, вручая ее мне, торжественно произнесла:

- Очерк! "Герой нашего времени".

Я принялся читать. Подробное жизнеописание детства и отрочества молодого человека по имени Марик. Ничего особенного: обычная жизнь недо-

- Позвольте, Фира Абрамовна, кто он, этот Марик?

- Это мой внук.

- Но чем он знаменит? Здесь материала на газетную полосу.

И тут Фира Абрамовна приподнялась с дивана и, выдержав паузу, торжественно произнесла:

- Вы знаете, он замечательный молодой человек. Он не пьет, не курит и всю зарплату приносит домой.

Я, естественно, забраковал очерк.

Фира Абрамовна поджала губы, отодвинула стакан с чаем и направилась к Якову Ефимовичу Гуревичу, главному редактору газеты. Жаловаться. Но в дверях вдруг обернулась и, заговорчески подмигнув, сказала:

- Послушайте, мы с вами почти ровни люди. Давайте уладим этот вопрос как родственники. Скажите, если я переведу в Фонд Мира гонорар за этот очерк, вы его напечатаете? Я думаю, пара лишних копеек Фонду Мира не помешает...

И просящая, довольная собой.

Немая сцена...

Двойной кофе

Преподаватель культпросветучилища, кандидат наук (едва ли не единственный на всю область), холерный, крупнолицый, с большими зальсиничи на високом сократовском лбу Аба Михайлович Винокур был известен в городе как обладатель одной из лучших домашних библиотек. А еще он славился экстравагантным вкусом. Каждая его трапеза в ресторане "Восток" - а в нем обедали и мы, сотрудники редакции, - превращалась в маленький спектакль. Аба Михайлович был непредсказуем, неистощим на выдумку и капризен.

Однажды он попросил двойной салат из огурцов,

редис, порцию мелко нарубленной селедки без костей, творог, сметану и при этом потребовал принести большую миску. Смешав все продукты, он съел полученный результат и заказал... двойной кофе.

Официантка Тамара, с сочувствием глядя на Виноккура, робко возразила:

- После такого блюда - кофе? Аба Михайлович, может быть, лучше винегрет? Цена одна и та же.

В другой раз мы стали свидетелями не менее забавной сцены.

Аба Михайлович в тот день он пришел в потрясающем свитере толстой вязки, в новых очках крупной роговой оправы и, как никогда, мрачный сел за столик, скрестил руки на широкой груди, низко опустил голову и подождал Тамару. Мы, затаив дыхание, приготовились к очередному спектаклю.

Состоялся диалог:

- Томатный сок узбекский? Если нет, пусть его пьет Арон (директор ресторана Бобровский, иммигрировавший в Биробиджан из Аргентины в сороковом году авт.). Домашняя солонка с оливками? Если нет, пусть ее ест Яша (шеф-повар ресторана Блехман авт.). Сосиски свиные? Если нет, ешьте их сами.

- Очень хорошо, Аба Михайлович, - с достоинством ответила Тамара, - а что же будете есть вы?

- Все остальное, - буркнул Виноккур и уткнулся в газету, достав ее из кожаного портфеля.

по цветочной клумбе. Понятное дело, сделать такую фотографию можно было, что называется, методом скрытой съемки. Шекотливое задание было поручено молодому внештатному фотокорреспонденту газеты, звали которого, если мне не изменит память, Миша.

Миша сотрудничал с газетой всего неделю, Абу Михайловича не знал, материал не читал, но, уяснив задачу, с азартом взялся за дело.

Словом, Миша ушел на задание и пропал. Два дня его не было видно и слышно. На третий Мишу привел в редакцию веселый человек в штатском. Между ним и Корсуном состоялся диалог:

- Правда ли, что этот человек - внештатный корреспондент редакции?

- Да, конечно.

- Правда ли, что он получил задание сфотографировать гражданина, идущего по газону?

- Это так же точно, как и то, что я стою сейчас перед вами и густо краснею.

- Не могли бы вы, в таком случае, объяснить, почему его заинтересовали цветники, разбитые исключительно возле здания Комитета государственной безопасности? Мы извлекли его из кустов сирени, в которых ваш сотрудник, как он сам признался, просидел два дня. В засаде...

Пауза. Корсунский теряет дар речи.

- Мы проявили пленку. К счастью, единствен-

Тамара в задумчивости постояла у стола несколько секунд и, удалившись, некоторое время спустя принесла...бутылку пива и вяленую колбасу.

Представив, таким образом, читателю Абу Михайловича Виноккура, перехожу к изложению весьма комического случая из его жизни тех лет.

“По газонам не ходите!”

Аба Михайлович был любимым автором заведующего отделом культуры и быта областной русскоязычной газеты “Биробиджанская звезда” Ефима Матвеевича Корсунского.

В те дни в Биробиджане началась кампания “Мой любимый город”. На цветочных клумбах и газонах появились таблички: “Цветы не рвать” и “По газонам не ходить!”.

Аба Михайлович Виноккур - напомним, преподаватель культпросветучилища - подготовил страстную статью, посвященную зеленому и цветочному убранству города. В ней он гневно клеймил позором тех, кто, по своему невежеству, ходит не по тротуарам, а как заблагорассудится, прокладывая тропки прямо через цветники и газоны.

Ефим Матвеевич Корсунский решил проиллюстрировать материал фотографией человека, шагающего

новый человек, запечатленный на ней, к нашему ведомству отношения не имеет. Пленку мы возвращаем. Будьте добры, в следующий раз выбирайте для съемки другие объекты.

Сконфуженный, но счастливый Миша бросился в редакционную фотолaborаторию и некоторое время спустя торжественно вручил Ефиму Корсуному фотографию. На ней крупным планом был запечатлен... Аба Михайлович Виноккур, бодро шагающий через газон.

Разумеется, снимок не был опубликован. Но стал блестящим поводом для шуток и... шантажа. Когда Корсуному был нужен очередной материал от Виноккура, а тот, ссылаясь на занятость, писать отказывался, Ефим Матвеевич доставал из стола злополучную фотографию и с угрозой в голосе небрежно ронял:

- Аба, опубликую!

И вопрос сам собой решался.

Птичка в ухе

В ресторане “Восток” частенько обедал еще один примечательный человек - врач-психиатр Шехтер, вечно озабоченный своими профессиональными проблемами интеллигентный мужчина средних лет.

- Вы можете не думать о работе хотя бы за фаршированной шукой? - спросил я его как-то.

- Не могу, - признался Шехтер и посетовал: - Если бы вы знали, какую я совершил глупость! Никогда себе не прощу...

И поведал следующую историю.

- У меня был, точнее, есть больной по имени Ицик. Трудный случай! Он лежал у меня в отделении несколько месяцев кряду. Тихий человек... И больной не буйный. У него, видите ли, в ухе птичка поселилась. Поселилась и поет. Вот с этим он и лег в клинику. Как я его ни убеждал, что птичка в ухе жить не может ввиду того, что "скворечник" маловат, он стоял на своем. Обычные в таких случаях методы не помогали. И тогда, после долгих раздумий, я решился на эксперимент. Я попросил сына поймать какую-нибудь пичугу.

Пойман был воробей. Прошу сестричку пригласить в кабинет Ицика. Воробей - в кулаке, кулак - за спиной.

Входит. Я резко, но, разумеется, не очень сильно, влипил Ицику оплеуху - от неожиданности Ицик зажмурил глаза - и рожал кулак. Воробей вспорхнул и сел на карниз.

- Ну вот, что я вам говорил? - воскликнул Ицик. - Я вам говорил, что птичка в ухе живет, а вы не верили.

валясь и молодежь.

- Врет как Кизер.

Это звучало:

- Врет как Мюнхгаузен.

Итак, легенда Биробиджана, Абрам Ильич Кизер, толстый, медлительный, вечно сонный, добрейший человек, с негромким, чуть хриловатым голосом, слегка растягивающий слова. Пенсионер со стажем.

До выхода на пенсию Абрам Ильич долгие годы работал собственным корреспондентом ДальТАСС по Еврейской автономной области. Сколько раз агентство попадало враскап по милости своего собора, теперь сказать трудно. Но многократно. Он частично перевирал в информации цифры и факты, причем, любимым числом Кизера почему-то была семерка. В ДальТАСС знали: если сообщение заканчивается на "семь", его надо перепроверить.

Был ли Абрам Ильич недобросовестным информатором? Вряд ли. Скорее - фантазером, верившим в свои фантазии.

Выйдя на пенсию, Абрам Ильич несколько лет отдыхал от профессии, а потом предложил свои услуги "Биробиджанской звезде", точнее, отделу информации, к которому я имел непосредственное отношение. Таким образом, Кизер стал внештатным корреспондентом отдела.

Однажды он принес сообщение о том, что завод

Представьте, помогло. Выздоровел человек. А на радостях, в знак благодарности, подарил мне лотерейный билет. И надо же было этому билету выиграть пианино. Уже не знаю, каким образом, а только разношал об этом мой пациент. Может, номер билета записал. Так или иначе, явился он ко мне в кабинет и потребовал половину выигрыша.

Денула меня нелегкая пойти на принцип: мол, подарок есть подарок. И что вы думаете? На днях он вновь появился в палате. Все с той же пичкой в ухе... Я убежден, повторный кризис спровоцировала история с лотерейным билетом. Как мне его лечить - ума не приложу. Боюсь, что мой нехитрый трюк второй раз не сработает! Тут ведь важен эффект неожиданности.

Шехтер вздохнул:

- Уж лучше бы я ему весь выигрыш отдал.

И ткнул вилкой в нетронутую фаршированную рыбу.

Врет как Кизер

Гуляя по Биробиджану поговорка: "Врет как Кизер". Кто такой Кизер? Почему это имя стало нарицательным? Об этом знали только люди старшего поколения. Хотя поговоркой охотно пользо-

"Дальсельмаш" начал выпуск новой продукции для оленеводов севера: то ли приборов, то ли опрыскивателей - сейчас уже не помню, - отгоняющих от оленей оводов.

"Первая партия новинки в количестве 37 штук, - говорилось в информации, - отправлена в северные регионы страны".

Я созвонился с "Дальсельмашем" и выяснил: не партия, а один - единственный образец побывал у оленеводов и себя не оправдал. Дальнейшая разработка приостановлена.

В другой информации Абрам Ильич "отправил" в отпуск на юг весь коллектив трикотажной фабрики. По информации, которую Кизер принес в газету, выходило, что предприятие не работало все лето, а многие ее работницы побывали на юге дважды, - так сильно было завышено количество путевок, выделенных фабрике. Само собой разумеется, цифра заканчивалась злополучной семеркой...

Срочно требуется хряк

Как-то, прогуливаясь по городу, Абрам Ильич встретил старого приятеля.

- Понимаешь, - пожаловался тот, - у меня свинья на выданье, нужен хряк... ее покрыть... Так вот хря-

ка-то я и не могу найти. А так хочется завести поросят: выгодное дело!

- О! Почему ты сразу не обратился ко мне?! - воскликнул Кизер. - У меня как раз подрост отличней хряк.

- У тебя хряк? - удивился приятель. - Я знал, что ты живешь в собственном доме, но что держишь хряка...

- А почему бы нет?... В воскресенье я буду дома, привою свою "невесту".

В воскресенье хозяин свиньи погнал ее к Кизеру. Сделать это было не просто. Путь был неблизким: два-три километра, свинья упиралась, не хотела идти, веревка, на которой ее тащили, путалась в ногах.

Но вот, наконец, нужная улица, нужный дом. Калитку открыла старая Хеся Моисеевна, жена Абрама Ильича.

- Абрам дома?

- Он рано утром уехал в Валдгейм... Послушай, Иосиф, ты всегда прогуливаешься по городу со свиньей?

- Таки нет... Только по праздникам...

- А какой сегодня праздник?

- Ты еще спрашиваешь! Сегодня моя девушка, - он указал на свинью, - потеряет невинность.

- Но при чем здесь мы?

- Вы, конечно, не причем. А вот ваш хряк...

- Наш хряк?!

- Ну да, Абрам сказал, что ваш хряк может покрыть мою свинью.

- Абрам сказал?! Так пусть он сам покрывает твою свинью! Кроме десятка кур, в нашем хозяйстве нет другой живности. И сроду не было, чтоб мы так жили...

Старому Иосифу ничего не оставалось, как обливаясь потом, ругая Кизера последними словами, убраться со свиньей восвояси.

Как у Кизера родился сын

В начале семидесятых, с новой массовой волной переселения евреев из Советского Союза в Израиль, в стране началась мощная кампания антиизраильской пропаганды. Власти решили срочно расширить формат газеты "Биробиджанер Штерн". Надо сказать, что в это время газета, хотя и имела ранг республиканской, выходила половинчатом формате "Правды" и имела тираж всего 700 экземпляров. И неумудрено: в области не было национальных школ, молодежь, за редким исключением, не знала языка, газету читали только старики.

Сказано - сделано!

"Штерн" стал форматом "Правды", но с большими сложностями: укомплектовать расширенную редакцию национальными журналистами было невероятно трудно. "Призывали" бывших газетчиков, ныне пенсионеров: только они еще и помнили идиш.

Дали десять квартир. Редакция не знала, что с ними делать. Тот, кто жил в квартире двухкомнатной, брал трехкомнатную. У кого окна были на север, переезжал в жилье с окнами на юг. Меняли также балкон на лоджии.

Помню, в один из таких дней, часов в одиннадцать, то есть в разгар рабочего дня, я спустился в "Штерн" и вошел в кабинет, в котором сидели пенсионеры, только что принятые в штат: Абрам Ильич Кизер, бывший цензор Цаля Шапсович Цирульник и Саня Розенфельд (отчества не помню, впрочем, по отчеству его никто не называл, хотя и был Розенфельд почтенного возраста: когда-то, еще до войны, работал

в одной редакции с Эммануилом Казакевичем).

Итак, одиннадцать часов, разгар рабочего дня. На столах у трех сотрудников "Штерна" ни листочка бумаги.

Цирульник спит, уронив голову на руки, лежащие на столе; Кизер хрюплет, откинувшись на спинку стула, а Саня Розенфельд - маленький, тихий, молчаливый человек с черными, аккуратно подстриженными усиками, - курит "Беломор" и задумчиво смотрит в окно.

К слову, по поводу Сани Розенфельда собравшиеся журналисты шутили: "Саня живет по принципу: ни дня без строчки". Шутка была пущена по кругу после того, как однажды, при проведении итогов работы журналистов "Штерна", редактор Наум Корчминский обнаружил, что пенсионер Саня Розенфельд за последний месяц накропал одну-единственную информацию в 30 строк. Выходило в день по строчке. Вряд ли продуктивнее работали остальные ветераны пера.

Вот к этим-то дням и относится еще один забавный случай, имеющий отношение к глубококому пенсионеру Абраму Ильичу Кизеру.

Как-то Кизер опоздал на редакционную летучку. Это был не первый случай. Каждый раз Абрам Ильич на ходу придумывал причины: не ходил транспорт, помогал на улице пешеходу, которому стало плохо, вернулся домой за блоком и т.д.

И вот - очередное опоздание.

- Абрам Ильич, - возмутился Корчминский, - ну а сегодня-то вы почему припозднились?

- А у меня Хеся родила.

В кабинете повисла пауза.

- Что? Старая Хеся родила? В ее-то возрасте? В шестьдесят пять лет?! Корчминский был в шоке. Но я же недавно ее видел и ничего такого не заметил.

- Я и сам не замечал до последнего дня. Вы же знаете, какая она у меня скрытная.

- И кто родился? - с трудом веря в происходящее, спросил Корчминский.

- Мальчик. Три двести.

- Поздравляю, Абрам Ильич.

Все сотрудники бросились жать руку старому Кизеру, оставшаяся часть летучки прошла в легком оживлении. До обеда вся редакция обсуждала новость. После обеда сотрудники газеты Фаина Пасманник стояла у окна и вдруг заметила на противоположной стороне улицы Хесю Моисеевну. Фаина схватила горшок с геранью, стоявший на окне, и бросилась на улицу.

- Хеся Моисеевна, ну что же вы так рано из роддома! И сразу на улицу! Поздравляю вас с сыном. Вы просто молодец! Рискуете-таки родить!

- Каким сыном, Фаина?!

- Как каким? Разве у вас с Абрамом Ильичом не родился сын?

- У Абрама сын?! О зохен вэй! Да он совсем из ума выжил! Он давно уже забыл, откуда дети берутся и с какой стороны ко женщине подходят!

Долго еще шестидесятилетняя Хеся Моисеевна не могла успокоиться.

И уже прощаясь с Фаиной, вдруг улыбнулась и с нежностью в голосе произнесла:

- Теперь вы понимаете, Фая, почему я столько лет люблю этого человека?! Чтоб он был здоров!..

В публикации использованы рисунки
Меера Аксельрода